

МАРИНА СЕРОВА

Умри, моя НЕВЕСТА

Сериал
"Телохранитель Евгения Охотникова"

Телохранитель Евгения Охотникова

Марина Серова

Умри, моя невеста

«Научная книга»

2011

Серова М. С.

Умри, моя невеста / М. С. Серова — «Научная книга»,
2011 — (Телохранитель Евгения Охотникова)

Тяжело живется богатому человеку. Фальшивые друзья, искусные враги и целая свора завистников... Кто-то решил любой ценой расправиться с клиентом телохранителя Евгении Охотниковой. Сначала неизвестный обстрелял особняк Всеволода Боброва, затем автомобиль, где находились Женя и Всеволод, чудом избежал столкновения с «КамАЗом». Гипотетический враг у предпринимателя один – сын Михаил, отношения с которым сложно назвать хорошими. Но версия о причастности молодого человека к покушениям летит в тартарары, когда Михаила убивают, а Боброва-старшего обвиняют в его смерти. Потом к собственным бедам добавляются проблемы дочери: на концерте, где выступает Катя, устроили драку и пожар. Клиент в ужасе, а Женя начинает присматриваться к окружению начинающей певицы...

© Серова М. С., 2011

© Научная книга, 2011

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	5
ГЛАВА ВТОРАЯ	20
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Марина Серова

Умри, моя невеста

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Телефонный звонок был резким, требовательным и каким-то нервным. Я посмотрела на часы: половина девятого утра. И хотя я уже с шести была на ногах, все-таки было немного рановато для беспокойства. Однако игнорировать звонок причин не имелось, и я нажала кнопку соединения.

– Доброе утро, Евгения Максимовна, я прошу прощения за ранний звонок, надеюсь, что не разбудил вас. – Мужской голос звучал торопливо, но очень вежливо. Чувствовалось, что человеку приходилось часто общаться с официальными лицами, и речь его соответствовала правилам делового общения.

– Нет, не разбудили, – успела ответить я, а мужчина уже продолжал:

– Меня зовут Всеволод Евгеньевич Бобров, я главный редактор газеты «Репортер Поволжья», у меня к вам дело, поэтому я прошу вас приехать к нам в редакцию прямо сейчас. Пишите адрес...

«Экий приткий!» – невольно подумалось мне.

– А что за дело-то? – спросила я скорее из чувства противоречия, поскольку новой работе была бы весьма рада: предыдущую я закончила уже около месяца назад, и было бы неплохо пополнить начинающие оскудевать финансовые запасы, а также укрепить собственные навыки.

– Мне нужна охрана! – заявил Бобров. – Простите, больше по телефону сказать не могу, все подробности при встрече.

«Ой, какие мы самоуверенные! А вот не пойду ни на какую встречу!» – заартачился эмоциональный внутренний голос. – «А если и другие клиенты будут такими же категоричными, а то и хуже? Вообще от работы отказываться?» – возразил ему рациональный, и я даже удивилась, что во мне умудряются уживаться столь противоречивые голоса.

Размышляла я недолго: победил разум.

– Говорите адрес, – произнесла я в трубку спокойно, в доли секунды решив, что если диктат потенциального клиента при встрече окажется невыносимым, я еще успею отказаться от сотрудничества с ним.

– Волжская, сорок пять, офис семьсот пятнадцать, – четко проговорил Бобров. – Это здание бывшего НИИ «Тардизельстрой», узкая такая двенадцатизэтажка...

– Знаю, – прервала я его. – Этаж седьмой?

– Совершенно верно. Жду, – коротко распрощался он и повесил трубку.

Пожав плечами, я стала собираться. Так как никаких подробностей, а тем более указаний почтенный Всеволод Евгеньевич мне не дал, сборы не заняли много времени: я взяла с собой лишь самое необходимое, то, без чего не обхожусь никогда. А дальше уж ориентируюсь по ситуации.

Моя тетя Мила, вместе с которой я проживаю в квартире вот уже несколько лет, с утра была занята консервированием маслят, которые вчера купила на рынке, и ей было не до меня. Тетя, кажется, даже обрадовалась, что я куда-то направляюсь, поскольку заготовка на зиму грибов с их промывкой-кипячением-стерилизацией являла собой процесс долгий и трудоемкий, к тому же достаточно суетный, и любое постороннее присутствие тете только мешало. А завтраком она меня предусмотрительно накормила еще полчаса назад.

Так что я просто обулась в прихожей, крикнув тете, что ухожу по делам, и вышла из квартиры. Мой «Фольксваген» спокойно стоял в гараже, поставленный туда еще дня два назад

– последний раз я выезжала на нем в магазин модного пальто «Чаровница», где демонстрировалась новая коллекция. Пальто я так и не приобрела, хотя осень уже набрала обороты, решила обойтись теплой курткой.

Время было не очень удачным для поездок: народ спешил на работу и учебу, дороги забиты транспортом, и машина моя в этой толчее передвигалась не слишком быстро. Однако через полчаса я все-таки добралась до здания бывшего НИИ «Тардизельстрой» и, войдя в вестибюль, устремилась к лифту.

Постучав в дверь с номером семьсот пятнадцать, я почти сразу же толкнула ее. Я ожидала увидеть типичную редакционную комнату, какой она мне представлялась: множество народа, все сосредоточенны, в руках карандаши и авторучки, все подходят друг к другу, делятся, дают советы и торопятся. Однако я ошиблась в корне: кабинет был практически пуст. Вернее, в нем находился только один человек – маленький, кругленький, розовощекий и в очечках в тонкой оправе. Он стоял возле письменного стола, оснащенного компьютером, и, разговаривая с кем-то по телефону, нарезал круги вокруг него. Телефонный провод при этом сворачивался спиралью, норовя опутать абонента в несколько витков.

Увидев меня, человек не прервал беседу, он лишь нахмурился и тут же кивнул, указывая на стул. Я присела, дожидаясь своей очереди.

– Ну конечно же, останусь! – говорил человек. – Ты же понимаешь, что без этого нельзя! Ну, часа на полтора-два, думаю, не больше. К шести буду, да. Нет, звонить не нужно – это может быть неуместно. Ты же понимаешь суть мероприятия! Да помню я, помню! Все, до вечера! Да, и я тебя.

Он по-быстрому закрутился, выпутался из проводов и сел на высокий крутящийся стул с мягким сиденьем.

– Жена, – коротко пояснил, кивая на трубку. – Рад вас видеть, Евгения Максимовна!

– Всеволод Евгеньевич, я так понимаю? – осторожно уточнила я.

– Совершенно верно! – закивал он, протирая очки.

– А как вы меня узнали? – поинтересовалась я.

– Я видел ваши фотографии. Не забывайте, где я работаю! – глубокомысленно заметил он, подняв короткий палец. – Чаю, кофе?

– Кофе, если можно, – попросила я, и Бобров тут же потыкал в кнопки телефона, вызывая секретаршу.

Она появилась почти мгновенно: обыкновенная женщина лет тридцати трех, в бежевом пиджачке и юбке средней длины, ничем не напоминающая стандартную анекдотическую секретаршу.

– Таня, один кофе и один чай, пожалуйста, и лимон, – быстро проговорил Бобров, и женщина так же молча вышла.

– Давайте не будем терять время и сразу перейдем к делу, – обратился Бобров уже ко мне.

– Давайте, – согласилась я. – Только позвольте для начала уточнить: вам нужна охрана просто так, на всякий случай? Или есть какие-то основания для этого?

– Более чем! – воскликнул Бобров и вскочил со стула. – Ситуация очень серьезна, я хочу, чтобы вы это поняли и оценили!

– Непременно так и сделаю, – заверила я. – Так что случилось?

Бобров стремительно прошелся до двери кабинета и так же быстро вернулся на свой стул, крутя в руках синий маркер. От меня не укрылось, что Всеволод Евгеньевич нервничает.

«Интересно, это из-за опасности? Или он всегда такой?» – подумала я.

– Одним словом, мне кто-то угрожает! – выпалил он. – В меня стреляли!

– Где, когда, из чего? – деловито уточнила я.

– Позавчера, в моем собственном доме! – Бобров вскинул руки. – Собственно, стреляли не в меня, а по окнам моего дома! У меня дом в Кузнецком ущелье, за областной клиникой.

Так вот, около десяти вечера вдруг прозвучали выстрелы! Сперва один, чуть погодя другой, а потом и третий! Я вначале даже не понял, что это такое, а потом обнаружил в окне гостиной три пулевых отверстия! Хорошо, что мы с семьей находились на кухне – как раз ужинали. Иначе не представляю, чем все могло закончиться!

– А куда попали пули-то?

– Одна в телевизор, другая в тумбочку, третья в стену, – перечислил Бобров. – Телевизор, конечно, вдребезги, весь пол усыпан осколками – ужас просто! Короче, устроили настоящий тарарам! Пришлось срочно звонить домработнице, чтобы приехала убраться. Она часа два возилась.

– Вы милицию вызывали? – спросила я.

– Нет, я сообщил своей службе охраны, – огорошил меня Бобров.

– У вас есть собственная служба охраны? – подняла я бровь.

– Да. Собственно, она не моя личная, а магазинная. Я не успел вам сказать, что у меня есть ювелирный магазин, «Золотые нити», знаете?

– На Княжеской? – уточнила я.

– Именно там! – обрадовался Бобров.

В это время постная секретарша внесла поднос с двумя чашками и блюдцем, на котором лежали аккуратные ломтики лимона, присыпанные сахаром.

Бобров тут же вскочил, хотя секретарша сама поставила поднос ему на стол, побежал за ней до двери и плотно прикрыл ее.

– Так вот, магазин охраняется ребятами из фирмы «Барс», – сообщил он, возвращаясь к столу и берясь за чашку. – Днем они присутствуют в магазине лично, ночью он на сигнализации – от той же фирмы, их филиал как раз рядом. Сигнал поступает напрямую в «Барс», и через три минуты машина уже на месте в случае чего. Но, слава богу, таких случаев не было. А тут пришлось их вызвать экстренно домой, чтобы осмотрели окрестности.

Он перевел дух и отхлебнул еще чаю. Потом взял ломтик лимона, целиком отправил его в рот, согнув пополам, и с хрустом прожевал.

– Осмотрели? – спросила тем временем я, отпивая кофе, приготовленный в кофеварке. Он был достаточно крепким и сладким.

– Да, нашли гильзы от ружья «мозберг». Вам знакомо название?

– Разумеется, – кивнула я. – Помповое ружье китайского производства. То есть после каждого выстрела требует перезарядки, потому выстрелы и прозвучали не сразу один за другим, а с небольшими промежутками. Правда, есть умельцы, которые переделывают такие ружья во что-то более стоящее. Но тут, думаю, не тот случай.

– Да это меня мало волнует! – махнул рукой Бобров.

– А вы не выходили на улицу, не выглядывали в окно, когда прозвучали выстрелы? – спросила я.

– Я? Да вы что? – изумился Бобров. – Что я, по-вашему, идиот? Чтобы мне прострелили голову?

– Понятно, – приподняла я ладонь. – У вас есть версии происшедшего? Проще говоря, кому выгодно вас убить?

Я вперила взгляд в Боброва. Он как-то болезненно поморщился от моих слов. Видимо, мысль о том, что его смерть может быть кому-то выгодна, была крайне неприятна Всеволоду Евгеньевичу.

– Понимаете, я человек довольно публичный, – признался он, пожевав губами. – И людей, которые хотели бы меня свергнуть, достаточно. Сами понимаете, людская зависть – одно из самых распространенных и разрушительных чувств. Но я никогда не предполагал, что меня захотят... убить!

Он со стуком поставил чашку на стол и снова забегал по кабинету.

– И все же? – прищурилась я. – Можете назвать ваших самых ярых недругов?

Бобров резко остановился, словно врезался во что-то, похмурился немного, потом произнес:

– Пока что мне на ум приходит только Балтер.

– Расшифруйте, – спокойно попросила я.

Бобров протяжно вздохнул.

– Балтер Юрий Виссарионович, – ответил он. – Очень скользкий и неприятный тип. Владеет сетью магазинов спортивного оборудования. Отнюдь не бедствует. Связан с криминалом. В частности, с местным авторитетом Колей Шлыковым. В девяностые годы совместно с ним владел компанией «Тарасовский дом будущего» – это были времена финансовых пирамид. Судим не был, официально на пенсии.

– Вы прямо досье на него выдаете, – отметила я.

– Не забываете, где я работаю! – снова важно напомнил Бобров.

– Я так понимаю, что работаете вы в разных местах – газета, магазин... И что же вы могли не поделить с Балтером? Неужели он хочет сам быть главным редактором?

– Ну что вы! Ха-ха-ха! – Бобров заливисто рассмеялся, но смех его тоже был каким-то нервным и быстро оборвался. – Ему нужен мой магазин!

– Он сам вам об этом сказал?

– Прямым текстом! – возмущенно признался Бобров. – Вернее, он предложил его у меня купить. И предложил цену – совершенно смешную. А когда я отказался, добавил, что заберет магазин даром. И что я еще пожалею об этом. Я, разумеется, не поддался на провокацию, принял меры, усилил охрану... И до поры до времени Балтер не напоминал о себе и не осуществлял своих угроз. До позавчерашнего вечера...

– Он не звонил вам после этого?

– Нет, – с легким удивлением ответил Бобров.

– И вообще никто не выдвигал никаких требований?

– Нет, никто. Но я не уверен, что это именно Балтер! Просто он первый, кто приходит на ум. Повторяю, я человек публичный. Я успешный бизнесмен, я председатель фонда «Прцветающий Тарасов», занимаюсь благотворительной деятельностью, у многих на виду. Известен не только у нас, но и в области...

Бобров откровенно хвастался, причем сам не замечая этого. Он даже раздувался от важности, становясь похожим на детский розовый мячик.

– Собственно, почему я попросил вас приехать как можно быстрее, – продолжал он, крутясь вокруг меня с недопитой чашкой в руках. – Сегодня в Аткарске состоится одно торжественное мероприятие. Вы бывали в Аткарске?

– Доводилось как-то заезжать, – сказала я.

Аткарск находился недалеко от Тарасова, в девяноста километрах – то есть чуть больше часа езды на машине. Как-то с тетей Милой нам довелось отправиться туда к ее дальней родственнице, у которой случился богатый урожай яблок, и она хотела даровать нам пару ведер. Мои аргументы, что на средства, затраченные на бензин и гостинцы, мы смогли бы купить в три раза больше яблок на местном рынке, на тетю не подействовали, и мне пришлось смириться с поездкой, зато тетя осталась довольна. Потом она неоднократно напоминала мне, что варенье, сваренное ею собственноручно из этих яблок, мы ели всю зиму, к тому же родственница, тетя Даша, отдала ей также пять мотков зеленой мохеровой пряжи, из которой тетя Мила планировала связать мне длинный жакет, но я отказалась... Сам Аткарск не очень четко запечатлелся в моей памяти – городок как городок. Но сейчас я внимательно слушала Боброва.

– Мы отправимся туда через час, – решительно проинформировал он меня. – Ровно в полдень там состоится открытие реабилитационного центра для детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата.

гательного аппарата. Я возглавляю бригаду спонсоров, являюсь почетным гостем. Мне нужно будет произнести речь и перерезать ленточку. Сами понимаете, насколько это ответственно.

– Весьма, – кивнула я.

– Вы будете меня сопровождать. Причем хочу заметить, что ваше присутствие мне нужно не только по работе, но и дома.

– У вас же есть охрана, – напомнила я.

– Это само собой, – кивнул Бобров. – Они тоже поедут, в отдельной машине. Но мне нужен личный телохранитель, который будет постоянно рядом, но не афиширован. Я изучил ваше досье, вы мне подходите идеально. Вы женщина, это не вызовет подозрений. И еще напоминаю – мне нужна охрана круглосуточно. Так что предлагаю вам поселиться в моем доме. Не волнуйтесь, у меня просторный особняк, вам будет выделена отдельная комната, все удобства. Так что, Евгения Максимовна, вам остается только согласиться, – заключил он, потирая ладони.

– У вас, если не ошибаюсь, есть жена, – заметила я.

– Есть, – подтвердил Всеволод Евгеньевич.

– А она не будет против того, что в вашем особняке поселится посторонняя женщина? Или вы живете врозь?

– Нет-нет, мы живем вместе. Еще у нас есть дочь Катя, ей восемнадцать лет, учится в музыкальном колледже. С женой мы уже переговорили на эту тему, вам не о чем беспокоиться. Так что через час едем в Аткарск, там открытие, потом банкет, к вечеру возвращаемся в Тарасов и сразу ко мне. Вот такой распорядок сегодняшнего дня.

Бобров говорил так, словно этот вопрос был делом решенным. В принципе причин отказываться у меня не было. Правда, я не люблю, когда меня ставят перед фактом. Я знаю себе цену. И я решила еще чуть-чуть повременить, задав несколько вопросов.

– Всеволод Евгеньевич, меня волнует вот что. Я же не могу поселиться у вас навечно. Самым разумным я считаю установить источник угрозы и ликвидировать его. Тогда и необходимость в охране отпадет.

– Вы собираетесь убить Балтера? – вытаращился на меня Бобров.

– Никого я убивать не собираюсь, – усмехнулась я. – Без нужды, во всяком случае. А вы, значит, все-таки убеждены, что это Балтер?

– Нет, но... Я вам уже говорил, что уверенности у меня нет. Просто он первый, кто приходит на ум.

– Значит, придется познакомиться с вашим Балтером поближе, – сказала я.

– То есть вы согласны? – тут же уточнил Бобров.

– А вы знаете мои расценки?

– Знаю, – заверил меня бизнесмен, проговаривая сумму, которую я обычно беру в день за свои услуги. – Надеюсь, они не изменились?

– Не изменились, – подтвердила я. – Значит, к работе я приступаю с сегодняшнего дня.

– Я сейчас же выдам вам аванс за три дня, – сказал Бобров, доставая кожаный кошелек и отсчитывая нужную сумму.

Я убрала деньги в сумочку и сказала:

– Только мне перед дорогой в Аткарск необходимо заехать домой, чтобы взять кое-что из личных вещей. Вряд ли ваша жена будет в восторге, если мне придется разгуливать по дому в ее халате.

– Лариса не носит халаты, – улыбнулся Бобров. – Мы заедем по дороге, отправимся чуть раньше. Поймите, я больше не хочу оставаться без охраны ни на минуту. А в редакции охраны нет, только вахтер внизу, но это, как вы сами понимаете, ерунда.

– Ерунда, – согласилась я. – Мы поедем на вашей машине?

– Да, – подтвердил Бобров.

– Тогда мне нужно хотя бы поставить свой автомобиль в гараж или на стоянку.

– Не переживайте об этом, я распоряжусь – его оттранспортируют, – заявил Всеволод Евгеньевич. – Если хотите пообедать перед дорогой, я распоряжусь.

– Не стоит, спасибо, – отказалась я.

Бобров крутанулся на месте, оглядываясь.

– Ну... Тогда пока можете просто подождать, почитать... Вот, кстати, свежий выпуск. – И он сунул мне экземпляр газеты, на которой красовалось название «Репортер Поволжья». – А мне нужно сделать еще несколько звонков.

Я взяла газету и без всякого интереса принялась ее пролистывать. Бобров же снова затоптался возле стола, нажимая кнопки на аппарате и опоясываясь шнуром. Минут через двадцать, когда я уже с трудом сдерживала зевоту, он положил трубку и произнес:

– Все, можем ехать.

Я отложила газету, с облегчением вздохнула и поднялась. Бобров нацепил длинное пальто, которое зрительно делало его еще ниже ростом, вышел и запер кабинет. Мы спустились вместе на лифте, причем Бобров постоянно озирался и подозрительно посматривал по углам. Возле лифта он чуть посторонился, пропуская меня вперед, и я отметила, что сделано это было не из соображений этикета. Мысленно усмехнувшись, я прошла в кабину и, дождавшись Боброва, нажала кнопку первого этажа.

На улице Боброва дожидался высокий мужчина лет тридцати, в замшевой серой куртке.

– Все готово. Едем? – сказал он.

– Да, – ответил Бобров. – Езжайте за нами, по пути надо заскочить в одно место.

Мужчина молча кивнул и прошел к стоявшей неподалеку серой «Ауди». Туда же запрыгнул и молодой парень в кепке и стеганой безрукавке поверх рубашки с болтающимся на груди фотоаппаратом – видимо, журналист из «Репортера Поволжья». Мы же с Бобровым направились к черному джипу «Тойота», припаркованному на платной стоянке. Бобров сам сел за руль, что меня несколько удивило.

– Я думала, что у вас личный шофер, – заметила я, устраиваясь рядом.

– Для чего? Я сам вожу машину много лет! – не без гордости поведал бизнесмен, поворачивая ключ.

«Тойота» плавно тронулась с места, и Бобров уверенно повел ее в сторону моего дома, из чего я сделала вывод, что он неплохо изучил подробности моей жизни.

Процесс консервирования был в разгаре. С порога мне в нос ударил запах чеснока, лаврового листа и прочих специй. А также обдало паром: в квартире было невыносимо душно. Тетя кипятила стеклянные банки в огромной кастрюле, выуживая их длинным черпачком. Сосредоточившись на своих манипуляциях, она лишь рассеянно кивнула мне, пока я проходила в свою комнату.

Быстро покидав в спортивную сумку свое белье и одежду и присовокупив к этому несколько средств из боевого арсенала, памятуя о неизвестном стрелке по окнам Боброва, я вышла из квартиры, предварительно приоткрыв балконную дверь в зале.

Бобров сидел на своем водительском месте и ерзал.

– Слава богу, вы недолго, – проговорил он, когда я вернулась.

– У вас же целая команда под боком, что уж вы так нервничаете? – забрасывая сумку на заднее сиденье, кивнула я на «Ауди», стоявшую позади «Тойоты».

– Мало ли, – уклончиво произнес Бобров, заводя двигатель.

– Подождите, – остановила я его, вынимая из сумки бронежилет и протягивая ему. – Надевайте.

– Зачем? – изумился Всеволод Евгеньевич, с какой-то боязнью взирая на предложенный предмет.

– Делайте что вам говорят, – сказала я.

– Вы что-то заметили? – Его тревога моментально достигла максимума. – За нами следят?

– Если бы следили, я бы приняла другие меры, – поверхностно пояснила я. – Надевайте.

Бобров чуть поколебался, двумя пальцами неуверенно ощупывая жилет.

– Ну... Может быть, вы хотя бы выйдете? – смущенно спросил он.

– Это легко, – согласилась я, выбираясь из джипа.

Минут через пять Бобров приоткрыл дверцу и попросил меня вернуться.

– Ну как? – опасливо спросил он, вертясь на сиденье в разные стороны и пытаясь рассмотреть себя в зеркальце.

– Сойдет, – оценила я, отметив, что бронежилет практически не заметен под пальто и костюмом.

– Вам не кажется, что он меня полнит? – не успокаивался Бобров.

Я-то была уверена, что полнит его наверняка слишком калорийная и обильная пища, а также малоподвижный образ жизни, но вслух высказывать свои подозрения не стала.

– Это же не модельный костюм, и вам его не демонстрировать на показе мод, – ответила я.

– Но я должен выглядеть прилично! – раскапризничался председатель благотворительного общества.

– Да успокойтесь вы! Нормально вы выглядите! А если даже кто-то решит, что вы набрали пару лишних килограммов, ваша репутация от этого не пострадает! – не выдержала я. – И вообще, вам нужна безопасность или безупречный внешний вид?

Бобров недовольно вздохнул, но спорить больше не стал.

Мы снова тронулись в путь, в сторону Ленинского района, вскоре выехав на трассу, ведущую в сторону Аткарска. Бобров в принципе неплохо вел машину, только общая суетливость и нервозность характера заставляли его периодически чертыхаться и отвешивать нелестные комментарии в адрес некомпетентных и оборзевших, по его мнению, пытавшихся нас обойти. «Ауди» послушно двигалась следом.

Дорога до Аткарска заняла ровно полтора часа, а так как выехали мы с запасом времени, то на место прибыли за пятнадцать минут до полудня. По пути я внимательно посматривала по сторонам, следила за дорогой и машинами, и была убеждена, что никакой слежки за нами не было. О том же, видимо, думал и Бобров, потому что сразу же как только остановил машину, он с плохо скрываемой тревогой в голосе спросил:

– Хвоста нет?

– Нет, – улыбнулась я. – Так что расслабьтесь.

– Главное, вы не расслабляйтесь! – Он погрозил мне пальцем, но тут же заставил себя улыбнуться: – Простите, я не всерьез. Это все нервы.

– Понимаю, – кивнула я.

– И все же будьте начеку!

– Ну, я же не учу вас, как вам толкать речь, – пожала я плечами. – Или держать ножницы, когда будете резать ленточку.

Бобров вздохнул, но ничего не сказал. Вышел из машины, и мы вместе направились к дверям.

Детский реабилитационный центр занимал пять этажей в новом здании. Просторный, белый, почти сверкающий – для Аткарска его открытие было заметным событием. Об этом свидетельствовало и большое количество машин у подъезда, и толпа уважаемых граждан, скопившихся у высокого крыльца из пятнадцати ступенек. В основном это были, как я поняла по внешнему виду, официальные лица – городская власть, чиновники среднего уровня, администрация центра... Здесь же крутились и журналисты, снабженные камерами, фотоаппаратами и прочей техникой.

Бобров важной походкой чуть вразвалочку подошел к группе и поочередно пожал руки мужчинам. Меня он отрекомендовал лаконично:

– Моя помощница Евгения.

Я мило улыбнулась, оглядывая присутствующих. Среди них выделялся седой мужчина солидного вида, в черном пальто и шляпе, державшийся церемонно и даже покровительственно. Это был глава городской администрации Аткарска Петр Игнатьевич Хлебников, как я узнала позже. Возле него стояла дородная дама с полным, холеным лицом, природные черты которого были откровенно крестьянскими. Она гордо поджимала накрашенные ярко-вишневой помадой губы и поправляла высокую прическу, напоминавшую пышную башню. Это была его заместитель по вопросам здравоохранения, Галина Васильевна Шмакова.

Улыбчивый молодой репортер, вылезший из машины охраны Боброва, по имени Кеша, постоянно щелкал собравшуюся публику, кажется, не придавая значения тому, насколько удачными получаются снимки. Фотоаппарат у него был цифровым, и его не заботило количество пленки. Его более опытный коллега, представитель местной прессы, не был столь тороплив и неразборчив – он неспешно заходил то с одной стороны, то с другой в выборе подходящего ракурса.

Больше всех волновалась женщина средних лет – высокая, крепковатая, но стройная шатенка с молодежным каре. Она сжимала в руках кипу каких-то бумаг, теребила их, то улыбалась невпопад, то, сосредоточенно нахмурившись, принималась их пролистывать, закатывая глаза и полупшепотом повторяя что-то.

– Юдина, заведующая центром, – шепнул мне Бобров, сжимая мой локоть. – Бывшая секретарь местного горздрави.

Остальные люди мало чем выделялись из толпы, они переговаривались между собой, ожидая торжественного момента. Наконец Бобров взглянул на часы, перевел взгляд на Хлебникова, и тот громко произнес:

– Ну что, господа, начнем?

Все загудели, беспорядочно становясь возле ступенек, выбирая подходящее место. Перед дверями красовалась натянутая лента из красного атласа. Завцентром Юдина в мгновение ока пролистнула все бумаги, зашевелив губами, Шмакова напоследок пригладила свою пышную пирамиду, и все наконец успокоились и замолчали. К высокой трибуне с микрофоном уверенной походкой двинулся Бобров, предварительно одарив меня внушительным тычком в бок, что, видимо, должно было означать призыв быть во всеоружии. Но я уже внимательно оглядела всех и вся и оценила обстановку. Все было спокойно, но все же с Боброва я не сводила глаз.

Он подошел к микрофону, и по его виду было заметно, что ему не привыкать участвовать в подобных мероприятиях – Всеволод Евгеньевич не волновался нисколько, он чувствовал себя как рыба в воде. Подняв правую руку в знак приветствия, а также призывая прекратить последние реплики, Бобров улыбнулся и начал:

– Дорогие друзья! Я счастлив, что мне довелось принимать участие в столь радостном событии. Событии, важном не только для Аткарска, но и для всей области!

Как водится, последовали аплодисменты. Бобров чуть откланялся и продолжил:

– Не мне вам говорить, какое большое дело сделано общими усилиями, какой успех достигнут! Все мы по мере сил вносили свой скромный вклад в это мероприятие, и эти вливания привели к столь грандиозному результату! Все трудились, как подсказывала нам наша совесть, ведь мы взяли ответственность за самое дорогое, что у нас есть, за наше будущее – за наших детей! Я не побоюсь данного слова, называя этих детей НАШИМИ, ибо они поистине...

...Что и говорить, язык у Боброва был подвешен хорошо. Он говорил минут пятнадцать, ни разу не повторившись в словах, хотя общий смысл был понятен и вертелся вокруг одного и того же: насколько важно вкладывать средства в наше будущее – то есть детей, и какие мы все молодцы, что делаем столь благородное дело. Под конец своей речи он совсем расчувствовался, чуть ли не прослезился и, став пунцовым от гордости, покинул трибуну, приветствуемый

громкими, дружными аплодисментами. Словом, наблюдалась полная идиллия, даже госпожа Шмакова разжала свои губы и выдала что-то наподобие улыбки.

Следующей к микрофону подошла новоявленная заведующая Юдина и, заметно волнуясь, сказала, насколько она переполнена впечатлениями и как постарается оправдать оказанное ей высокое доверие.

Потом с громкими словами выходил кто-то еще, но речи становились все короче: всем надоело мерзнуть на улице. К тому же начал накрапывать мелкий и нудный дождик, и Галина Васильевна Шмакова несколько раз недовольно провела руками по влажным волосам. Она затопталась на месте, боясь испачкать в грязи свои новые, блестящие лакированные сапожки с модным закругленным носком, плотно обтягивающие широкие икры, и выразительно взглянула на наручные часики, тугой браслет которых образовывал складку на полном запястье.

Наконец у Юдиной в руках появилась невеста откуда взявшаяся подушечка, на которой лежали ключи, а также ножницы, которые она протянула Боброву. Тот быстренько подхватил все это добро и чуть ли не бегом взобрался по ступенькам к дверям. Перерезав ленточку под всеобщий гул одобрения, он отпер двери и, вытянув правую руку вперед, как мировой вождь, пригласил всех внутрь. После завершения своей речи он прилип ко мне намертво и не отходил далеко, норовя все время подхватить под локоток. Однако никакого намека на флирт в этом не было – обыкновенный страх за свою жизнь.

Вся процессия двинулась по этажам. Юдина распахивала одну дверь за другой и демонстрировала помещение, громко комментируя его предназначение и высокое качество оборудования. Возле одной из комнат Бобров снова сжал мой локоть и прошептал:

– Это моя спонсорская помощь!

Я заглянула внутрь и, признаться, осталась разочарованной. Помещение представляло собой прямоугольную комнату, в которой находились два письменных стола. На них стояли компьютеры с огромными мониторами, уже практически вытесненными из солидных учреждений своими плоскими жидкокристаллическими собратьями. Вряд ли эта комната предназначалась для медицинских процедур, скорее она была чем-то вроде секретарской. Я не стала открыто демонстрировать свои чувства, Бобров же просто лопался от гордости за себя и дело своих рук. Он, кажется, всерьез верил в то, что оказал детям с нарушениями работы опорно-двигательного аппарата колоссальную помощь.

По зданию мы бродили минут сорок, пока все основательно не притомились. К тому же сказывалась дорога: многие приехали из других районов, и скучные церемонии успели им поднадоеть. В толпе зашелестел шепот, явно указывающий на то, что гости желали бы отвлечься от официоза и расслабиться. И тут снова выступил Бобров, громогласно объявивший:

– Ну что ж, господа, напоминаю, что первые пациенты поступают в центр завтра, так что сегодня мы можем закончить наш осмотр – результаты, кажется, ясны и не вызывают нареканий?

– Ясны! Не вызывают! – донеслось со всех сторон.

– Тогда предлагаю перейти ко второй части нашей встречи и отправиться в кафе «Речное» на банкет!

Толпа одобрительно загудела и двинулась к лифту. Так как народу было много и все не уместились, многие отправились пешком по лестнице. Бобров же протиснулся в лифт, буквально втянув и меня за руку. На улице все расселись по машинам и отправились в кафе. Собственно, учитывая небольшие размеры Аткарска, до него было рукой подать – ехали мы меньше пяти минут. Но я все-таки с любопытством оглядывала из окна окрестности. Навскидку городок казался довольно милым и уютным, несмотря на обилие частного сектора, который потянулся сразу же как закончился центр. А закончился он почти моментально. Особенно понравился мне симпатичный бело-зеленый храм, стоявший посередине городской площади.

«Речное» было очень провинциальным кафе. То есть на вид обычная столовая, выкупленная кем-то и не очень умело оборудованная и стилизованная хозяином под современные реалии. Однако Бобров сообщил мне, что это лучшее заведение в Аткарске. Я не стала кривиться и корчить физиономию, изображая из себя мажорную даму, привыкшую к гламуру – просто проследовала внутрь и заняла место рядом со своим клиентом. Вернее, это он мне его занял, но в данной ситуации это было самым уместным.

Деревянные столы, поставленные буквой «П» были уставлены посудой с незатейливыми, но обильными и сытными блюдами – все в лучших традициях сельского быта. Тут наличествовал и холодец с хреном, и заливной поросенок, и куриная лапша, и квашеная капуста. Никаких роллов, суши и прочей экзотики не было. Однако блины с красной икрой, да и остальные блюда, выглядели аппетитно и заманчиво. Я не стала скромничать, поскольку уже успела основательно проголодаться, и наложила себе полную тарелку. Бобров также не намеревался отказывать в радости своему желудку. Судя по его виду, о своей фигуре он уже не заботился совершенно, что и подтвердилось трапезой: блины исчезали у него во рту один за другим, пухлые губы замаслились, и без того румяные щеки еще больше покраснелись, и, судя по всему, Всеволод Евгеньевич был очень доволен как собой, так и всем остальным. Из напитков присутствовали водка, коньяк и немного шампанского, которое почти все проигнорировали. Я же, естественно, и вовсе отказалась от спиртного, а вот Бобров, к моему удивлению, приналег на водочку. Я подумала, что руль на обратном пути он собирается доверить мне. В принципе я не возражала против такого варианта.

Поначалу все еще находились под впечатлением от торжества момента. Разговор так или иначе крутился вокруг главного события дня. Крупные чиновники напирали на то, что нужно ориентироваться на Запад, новые технологии и современный подход к решению проблем. В результате вырисовывались гигантские планы а-ля Нью-Васюки. Однако постепенно беседа плавно перетекла на более земные темы. Мужчины ослабили узлы галстуков, кое-кто расстегнул верхние пуговицы рубашек. Галина Васильевна Шмакова уже не заботилась о своей прическе и не обращала внимания на то, что из нее выбилось несколько прядей, что сразу поумерило ее официозность, но сделало еще больше похожей на типичную труженицу села, которой она, видимо, и была до того, как стать заместителем градоначальника.

– Главное, чтобы дети наконец-то ощутили искреннюю заботу о себе, – прочувствованно произнесла она, услышав реплику кого-то из присутствующих о том, сколько средств было вложено в новый проект.

– И все же, Галина Васильевна, я слышал, при центре собирались построить еще и бассейн, – не отставал настойчивый господин.

Шмакова недовольно передернула плечом.

– Это остается в планах, – отрезала она. – Но осень – неподходящее время для строительства бассейна, поэтому мы решили передвинуть его на весну. К тому же при пересчете выяснилось, что средств требуется больше, чем мы рассчитывали.

– А ваши собственные дети как, Галина Васильевна? – вмешалась Юдина с угодливой улыбкой. – Дашенька-то поступила?

Круглое лицо Шмаковой тут же еще больше расплылось в умильной улыбке.

– Поступила, она же заранее готовилась! Репетиторов пришлось нанимать, на курсы ездить... Такие деньги, с ума сойти! Я весь год себе во всем отказывала!

Судя по фигуре и украшениям Галины Васильевны, она не производила впечатления изможденной особы, погрязшей в долгах.

– И где она сейчас? – продолжала вопрошать завцентром.

– В экономическом университете. В Москву пришлось ехать, – притворно вздохнула Шмакова. – У меня сердце разрывалось, когда отпускала! Ведь ребенок еще совсем!

– Да-да, – сочувственно кивала Юдина. – Куда же деваться, если у нас нет в Аткарске своего вуза...

Действительно, судьба несчастной дочери заместителя главы администрации, вынужденной уехать в столицу из родного райцентра, вызывала жалость...

Но Галина Васильевна горевала недолго. Включили проигрыватель, и по залу разнеслись звуки ритмичной разудалой музыки. Танцы начались спонтанно, что называется с места в карьер. Все потянулись в центр, мало кто остался на своих местах. Выступила вперед и Шмакова. Женщины поигрывали подолами юбок, а Галина Васильевна, виляя задом и норовя задеть мужчин своим тугим бедром, лихо отплясывала помесь «цыганочки» с краковяком.

– И-и-и! – тоненько вскрикивала она, лукаво поглядывая на кавалеров.

Один из мужчин охотно присоединился к ней. Скидывая коротенькие ножки, он пошел по кругу, потом подбоченился и стал почти вплотную к Шмаковой, нисколько не возражая против соприкосновения с ее пышными формами. Чопорные чиновники и спонсоры откинули всю строгость и теперь отрывались по полной.

В зале было жарко. Мужчины, обмахиваясь рукавами, частенько выходили на лестницу покурить, дамы постреливали глазами и хихикали над шутками склонявшихся к ним кавалеров. Бобров, кажется, под влиянием выпитого уже не ощущал серьезной опасности, во всяком случае, уже не торчал возле меня как приклеенный. Периодически Всеволод Евгеньевич присоединялся то к одной, то к другой компании и, хотя сам не курил, поддерживал беседу группы курящих.

Рядом со мной плюхнулся плотный вспотевший мужчина в белой рубашке и брюках, тот самый, что зажигал на пару со Шмаковой. Пиджак он уже успел снять и повесить на спинку стула. Мужчине было за пятьдесят, и я поначалу приняла его за бывшего председателя колхоза – крепкий, коренастый, с простоватым лицом.

– Фу-у-ух, – помотав головой, протянул он. – Приморился. А вы что же не танцуете?

– Не люблю, – ответила я.

– Зря, – тут же ответил мужчина. – Такая привлекательная девушка – и скучает в одиночестве.

– Да мне совсем не скучно, – возразила я.

– А вы, значит, помощница Боброва, – припомнил он. – Екатерина, кажется?

– Евгения, – поправила я.

– Женюлька, значит, – на свой лад уточнил он, протягивая руку к бутылке с коньяком. – А не выпить ли нам с вами, Женюлочка, по пятьдесят граммов?

– Благодарю вас, я не пью, – вежливо отказалась я.

Мужчина недоверчиво взглянул на меня.

– Ну тогда, может быть, шампанского? – не сдавался он.

– Нет, я вообще не пью.

Он помолчал, потом, не став церемониться, налил себе коньяка прямо в стакан, заметно превышавший по объему пятьдесят граммов, выпил, крикнув, и отправил в рот горсть квашеной капусты.

– И как вам у Боброва служится? – пережевывая закуску, поинтересовался он.

– Нормально, – коротко ответила я.

– М-да? – Он снова смерил меня недоверчивым взглядом. – Ну смотрите... А я хотел было пригласить вас к себе. Такая очаровательная помощница мне бы очень пригодилась.

– Простите, а с кем имею честь? – чуть усмехнувшись, полюбопытствовала я.

– Чеботарь, Степан Юрьевич, – представился мужчина и полез в карман рубашки.

Он достал оттуда визитку и протянул ее мне. На визитке остались жирные следы от пальцев. Я посмотрела надпись: «ЧП Чеботарь С.Ю., финансовый директор».

– И что же у вас за ЧП, Степан Юрьевич? – спросила я.

– Меха, – с важностью ответил Чеботарь. – «Русский мех», слышали?

– А, так это у вас постоянно распродают шубы с пятидесятипроцентными скидками? – невинно уточнила я. – В тарасовском ДК «Росич»?

– Вот видите, какая забота о потребителе! – поднял он палец. – Кстати, приходите, для вас мы организуем особую скидку, процентов восемьдесят! Подберем шубку специально по вашей фигурке. А то и бесплатно можно договориться... – заговорщицки прошептал он, склоняясь прямо к моему уху и обдавая запахом алкоголя и лука, и провел своей пятерней по плечу, норовя задеть край выреза блузки.

– Спасибо, – я резко скинула его руку. – Я не бедствую.

– Что, Бобров неожиданно расщедрился? – ухмыльнулся Чеботарь. – Что это с ним случилось?

– А что, не должен?

– Да он же скряга, каких свет не видывал! – тут же с удовольствием поведал меховщик.

– Он же возглавляет благотворительный фонд, – напомнила я, не прогоняя развязавшего язык после выпитого мужика, поскольку дополнительная информация никогда не бывает лишней.

– Ха-ха-ха! – раскатисто загоготал Степан Юрьевич. – Это ж для отмазки от налогов, ежу понятно! Он же всегда норовит ерундой отделаться! Подарил парочку списанных компьютеров, которые сдохнут через месяц, – и сразу почетный гость! Доверенное лицо! А что я, – он стукнул себя кулаком в грудь, – сто теплых ватных одеял подарил и сорок матрасов, никто и не заметил!

В голосе Чеботаря звучала откровенная зависть. Он набулькал себе еще один стакан коньяка и в сердцах опрокинул его в рот. Потом вытер рот тыльной стороной ладони и мрачно уставился перед собой. Он уже собирался что-то сказать, как к нему подошла Галина Васильевна Шмакова и кокетливым тоном проговорила:

– Степан Юрьевич! Что же вы нас покинули?

– Да я, это... – смущенно заговорил Чеботарь, незаметно отодвигаясь от меня. – Подустал немного...

– Не может быть! – воскликнула Шмакова. – Такой крепкий мужчина...

Она окинула Чеботаря взглядом сверху донизу, намеренно делая вид, что меня не существует.

– Вам нужно отдохнуть, – резюмировала Галина Васильевна. – А то вы совсем заработались! Перед Новым годом как раз путевочки будут в санаторий «Южное», я могу организовать...

И она смерила Чеботаря откровенно многозначительным взглядом.

– Да? – оживился тот. – А на какой срок?

– Договоримся, Степан Юрьевич, договоримся, – подмигнув, засмеялась Шмакова и настойчиво потянула Чеботаря за рукав в центр зала, к танцующим.

Тот осторожно бросил взгляд на меня, оценил, видимо, перспективы и не очень охотно, но все же поднялся и послушно пошел за Шмаковой, которая тут же плотно прижалась к нему всем телом, раскачиваясь под медленный танец.

Я перевела взгляд на Боброва и увидела, что к нему подошел человек лет сорока, худощавый, с прямыми редяющими белесыми волосами, с каким-то неприятным, острым взглядом серых глаз, похожий на птицу, и, что-то шепнув, потянул в сторону лестницы. Бобров стрельнул глазами в мою сторону, но не сказал следовать за ним, наоборот, сделал знак оставаться на месте. Сам же вместе с мужчиной исчез на лестничной площадке.

Их отсутствие продолжалось минут пять, и я решила сходить на разведку. Однако, выйдя на лестницу, увидела там лишь курящего репортера Кешу.

– Привет! – тут же произнес он, стряхивая пепел в урну.

– Привет, – отозвалась я. – Ты Всеволода Евгеньевича не видел?

– Видел, они с Савенковым вниз пошли, – небрежно ответил Кеша.

– А кто это – Савенков?

– Мелкий бизнесмен, ерундой какой-то занимается, биодобавками...

– А что у него за дела с Бобровым? – непринужденно спросила я, доставая сигарету и прикуривая от любезно протянутой мне Кешей зажигалки.

– А кто ж их знает? – пожал он плечами. – У меня другая работа. А к газете Савенков отношения не имеет, она ему неинтересна. А ты у нас в «Репортере» работать будешь?

– Не знаю, где Всеволод Евгеньевич скажет, – уклончиво ответила я.

– То есть ты не журналистка? – Он пытливо всмотрелся в мое лицо.

– Я его доверенное лицо, – ответила я.

– Да брось ты, – засмеялся Кеша. – Ты Женя Охотникова, я знаю. Телохранитель.

– Это откуда же такая осведомленность? – подняла я брови.

– Так Бобров мне и поручил навести о тебе справки. Видно, всерьез за себя опасается. Да ты не волнуйся, я могила! Работай себе спокойно!

Он приложил руки к груди.

– Да я и не волнуюсь, – ответила я. – А что, основания для опасения у Боброва серьезные?

– Да я толком не знаю... – замялся Кеша. – Слышал только, что кто-то по окнам ему палил. И он меня просил разведать, чем сейчас занимается Балтер. А еще – не было ли против него заказа.

– А ты что, вхож в такие круги, чтобы раздобыть подобную информацию? – удивилась я.

– Курочка по зернышку клюет, – отшутился Кеша. – Тут что-то услышал, там, сям – и можно делать выводы. Напрямую, разумеется, мне никто ничего не скажет.

Я прошла к окну и глянула вниз. Под козырьком у входа в кафе стояли Бобров с Савенковым. Первый что-то горячо объяснял, размахивая руками и жестикулируя, Савенков хранил хладнокровие, иногда вставляя какие-то реплики. Кеша подошел ко мне сзади и заглянул мне через плечо.

– Видно, что-то не поделили, – сделал он вывод.

– Слушай, а среди ваших коллег у Боброва есть враги? Или среди тех, о ком вы писали? Может, разоблачили кого, вот и появился зуб на Боброва?

– У Боброва прямых врагов нет, – сразу сказал журналист. – А скрытые... Может, и есть, но вряд ли это имеет отношение к газете. Разоблачительных статей мы не пишем, в основном хвалебные в адрес администрации города и крупных финансовых деятелей, а также новых проектов и планов.

– А что собой представляет Балтер?

– Ну, это весомая фигура, – протянул Кеша. – Не чета Савенкову. Довольно мутный тип. Официально возглавляет псевдонаучную компанию по техническим разработкам, но никаких научных достижений от него сроду никто не видел, – поведал Кеша. – С криминалом на дружеской ноге. Но юридически ему ничего не предъявишь: дяденька умный и с прихватом. У него, по-моему, везде свои люди.

– А он мог организовать покушение на Боброва?

– Если из-за газеты, то нет, – сразу ответил Кеша.

– А из-за магазина?

– Мог, – кивнул журналист. – Но, думаю, только с целью припугнуть. Зачем ему убивать Боброва?

Тут снизу послышались шаги, и я увидела, как по лестнице поднимается Бобров. Не став показывать, что слежу за ним, я быстро вернулась в банкетный зал. Савенков появился первым: видимо, Бобров остановился поговорить с Кешей. Савенков был явно не очень доволен исходом беседы. Он был мрачен и сосредоточен. Прошел к столу, небрежно налил себе в рюмку граммов пятьдесят коньяка, залпом выпил, закусил блином и неторопливо направился к окну.

Вид у него был задумчивым. Когда он на мгновение повернулся и взглянул на Боброва, я отметила в его глазах злобный огонек, направленный...

Всеволод Евгеньевич же как ни в чем не бывало уселся на свой стул и продолжил обед.

– Кто это? – тихонько спросила я у него про Савенкова, но Бобров лишь поморщился и махнул рукой.

Я не стала настаивать, так как, во-первых, уже знала фамилию собеседника, а во-вторых, сделала вывод, что Бобров не настроен посвящать меня во все свои дела. Значит, не доверяет или ему есть что скрывать.

Я посмотрела на часы. Банкет продолжался больше часа, многих уже основательно развезло, и я подумала, что пора бы сворачиваться и собираться домой. Наклонившись к Боброву, который развалился на стуле и тяжело дышал от обильных возлияний, негромко сказала:

– Всеволод Евгеньевич, не пора ли в обратный путь?

– Да ладно вам, рано еще! – отмахнулся Бобров.

«Не хватало мне еще продолжения банкета!» – мысленно вздохнула я, однако отмечая, что Бобров вполне контролирует свое поведение в частности и ситуацию в целом, что меня несколько успокаивало.

Веселье затянулось еще минут на сорок, после чего публика, уже изрядно принявшая на грудь, стала позевывать. Разомлевшие от духоты, возлияний и сытного обеда чиновники поклевывали носом. Глава администрации Хлебников казался самым трезвым. Он подозвал кого-то из своей охраны и коротко что-то сказал, после чего поднялся со стула и постучал вилкой по фужеру.

– Господа, предлагаю последний тост. Завтра всех ждет работа.

– Да подождет! – гаркнул опьяневший Чеботарь, но тут же осекся под холодным взглядом Хлебникова.

Все поутихли, послушно и как-то скомканно выпили «на посошок» и стали тянуться к выходу. Я шла рядом с Бобровым. Служба охраны и Кеша также были на месте. На улице, подождав, когда разъедутся крупные чины, я собралась уже сесть за руль, но, к моему удивлению, Бобров меня отстранил и сам уселся на водительское сиденье.

– Вы что, сами собираетесь вести машину? – спросила я.

– Ну да! – храбро ответил председатель благотворительного общества. – А что?

– Всеволод Евгеньевич! – слегка повысила я голос. – Я не думаю, что это разумное решение в сложившихся обстоятельствах.

– Ерунда! – махнул рукой Бобров. – Я совершенно трезв.

Ну насчет совершенной трезвости я бы поспорила, однако пьяным Боброва тоже было сложно назвать. Он уверенно держался на ногах, язык его тоже не заплетался, только мутноватый взгляд да запах выдавали, что он все-таки принял на грудь.

Мне оставалось только вздохнуть и положиться на судьбу. Ну и на свой опыт тоже...

Мы тронулись первыми, охрана поехала следом. Бобров поначалу что-то болтал, потом замолк и сосредоточился на дороге. Выехав из Аткарска, мы двинулись по дороге вдоль реки Калинки – не очень широкой, но приличной глубины. Через реку был перекинут деревянный мост с металлическими перилами. А после – поворот и за ним междугородная трасса. Я ждала момента, когда мы переедем мост, потому что на трассе все-таки легче управлять автомобилем, ведь он движется по прямой.

Бобров прибавил газу, въехал на мост, «Ауди» еще только приближалась сзади... Опасность я почувствовала мгновенно. Именно почувствовала, а потом уже увидела: громадный «КамАЗ» на огромной скорости летел нам навстречу. В доли секунды я заметила, как побелело лицо Боброва, как руки его судорожно вцепились в руль, как мелко завиляла машина, поскольку Всеволод Евгеньевич никак не мог сориентироваться, в какую сторону податься –

мост был узким, и разъехаться с «КамАЗом» было очень сложно, к тому же он явно мчался прямо на нас.

Я среагировала молниеносно. Сильно толкнув Боброва плечом, оттеснив его в сторону и накрыв своим телом, схватилась за руль, сдала чуть назад, видя, что «Ауди» приотсталла и у меня есть место сзади, после чего вырулила в сторону. «КамАЗ» неминуемо должен был задеть наш зад, но это было куда меньшим злом, чем лобовое столкновение. По-другому не получалось, слишком узким был мост. Понял это и водитель «КамАЗа», понял он также и то, что все идет не по плану, и растерялся. При таком столкновении мы имели все шансы остаться в живых.

Он, подобно Боброву, завертел руль, но грузовик, куда более массивный, чем «Тойота», не был столь маневрен и послушен. Я увидела искаженное отчаянием и страхом лицо водителя – русоволосого мужчины лет сорока, его глаза, вперившиеся прямо в мое лицо, и руки, крутанувшие руль вправо. «КамАЗ» резко занесло, своей «мордой» он протаранил не слишком прочные перила моста и медленно, грузно повалился в воду, подняв фонтан брызг...

Несколько секунд я сидела молча, слушая, как стучит мое собственное сердце и где-то внизу – бобровское... Потом отодвинулась. Снизу на меня смотрели перепуганные глаза главного редактора «Поволжского репортера», зажатого где-то под сиденьем.

– Можете вылезать, – спокойно произнесла я, отодвигаясь на свое место и пряча руки в карманы, чтобы Бобров не заметил, как они дрожат.

Всеволод Евгеньевич завозился и выбрался наконец из укрытия. Осторожно оглянулся назад, но увидел лишь остановившуюся в растерянности «Ауди». Посмотрел вперед, «КамАЗа», естественно, не увидел и поднял на меня вопросительный взгляд. Я вышла из машины и направилась в сторону «Ауди».

Мне навстречу тут же выскочил мужчина в серой замшевой куртке – видимо, начальник охраны.

– Что с Всеволодом Евгеньевичем? – торопливо спросил он.

– Все в порядке, продолжаем путь, – ответила я.

Бобров, осмелев, высунулся наконец из машины и колом подкатился к нам. Вмиг протрезвевший, он заозирался по сторонам и быстро заговорил:

– Нас кто-нибудь видел? Милицию уже вызвали?

– Никто никого не вызывал, никто ничего не видел, – четко произнесла я. – Поэтому сейчас немедленно возвращаемся в машину и едем домой.

– Но это же... А как же... А что же будет... – заговорил Бобров, но я остановила его:

– Делайте, что я говорю. А здесь и без нас разберутся. Все.

И направилась к джипу. Бобров переглянулся с начальником охраны, потом быстренько пошел меня догонять. После того как я села за руль, он не сказал мне ни слова протеста. И вообще всю дорогу молчал, внимательно и серьезно глядя перед собой. Когда мы проезжали пост ГАИ, я слегка насторожилась, однако нас совершенно спокойно пропустили. И за всю дорогу больше никто не останавливал, не догонял и не причинял иных неудобств.

Когда мы доехали до центра Тарасова, я лишь спросила:

– Куда?

– Домой, – разлепил губы Бобров. – В ущелье.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Я без возражений повернула в сторону Кузнецкого ущелья. Машину охраны Бобров не отпустил, и я подумала, что он собирается обсудить с ними сегодняшний эпизод, который, признаться, впечатлил и меня саму. Он однозначно свидетельствовал о том, что Боброва всерьез решили устранить. Не поугаждать, как предположил журналист Кеша, а убить. Наезд «КамАЗа» – это уже не беспорядочная хулиганская стрельба по окнам, с подробностями которой мне, кстати, не мешало бы ознакомиться. И лучше всего о ней расспросить начальника службы охраны агентства «Барс», ехавшего сейчас позади нас на серой «Ауди».

Бобров показал мне дорогу, и вскоре мы, поднявшись в гору, подъехали к двухэтажному особняку, одному из тех, какими был застроен данный район. Я притормозила, Бобров вышел из машины, нажал кнопку, и высокие чугунные ворота почти бесшумно поднялись, освобождая нам проезд. Я плавно вкатила автомобиль во двор и поставила его в гараж по указанию Боброва. Бригада охраны проследовала к дому. Бобров опустил ворота и вздохнул с облегчением. На своей территории он чувствовал себя гораздо лучше.

В окнах второго этажа горел свет, нижние были темны.

– Что, стрелявший проник через эти ворота? – тем временем обратилась я к начальнику охраны.

– Нет, стреляли прямо с улицы, – ответил тот, сразу поняв, о чем я говорю.

– Довольно беспорядочно, – отметила я. – Точно попасть при таких условиях практически невозможно! Да еще из «мозберга».

– Да, – согласился тот, внимательно глядя на меня.

«А сегодняшний наезд был нацелен на поражение», – подумала я, но этой мыслью делиться с наемной охраной не стала.

Бобров тем временем трезвонил в звонок, висевший над изящной деревянной дверью, покрытой лаком, видимо, после пережитого шока забыв, что и сам может отпереть дверь.

– Иду, иду-у! – через некоторое время послышался высокий женский голос, а затем и треньканье ключей.

За деревянной дверью оказалась еще одна, гораздо более внушительная – металлическая, с множеством замков. Невидимая женщина отперла их все и напоследок выдвинула длинную задвижку, после чего дверь открылась. На пороге стояла стройная светловолосая женщина в узких белых брючках и легкой курточке из мягкой бледно-салатовой ткани. Русые волосы были собраны в хвост, на лоб падала прямая челка. При тусклом освещении она казалась совсем юной, и я приняла ее за дочь Боброва. И только когда мы прошли в прихожую, я увидела, что женщине как минимум за тридцать.

– Лара! – крикнул Бобров, бросаясь к ней и хватая за руки. – Ларочка!

Он всхлипнул и прижался к ее груди.

– Что, что такое? – испуганно вопрошала женщина, оглядывая нас всех тревожным взглядом красивых светло-ореховых глаз.

– На меня было покушение! Я чуть не погиб! – срывающимся голосом, захлеб говорил Бобров, не стесняясь присутствия посторонних.

– Боже мой! – только и проговорила Лариса, отступая на шаг в глубь прихожей. – Ты не ранен?

– Нет-нет, – тут же успокоил ее супруг, глядя по волосам. – Слава богу, все обошлось. Это вот спасибо Евгении Максимовне. Кстати... – Он обернулся ко мне и жестом подозвал. Я подошла поближе и кивнула. – Познакомьтесь, это моя жена Лариса. А это Евгения Максимовна, мой... Одним словом, она, можно сказать, спасла мне жизнь! – с пафосом закончил Бобров.

Лариса бросила на меня короткий оценивающий взгляд, чуть нахмурилась, но вежливо улыбнулась в ответ и сказала:

– Спасибо вам большое! Я весьма рада.

Она вряд ли была мне рада, но старалась этого не показывать. Бобров тем временем взял себя в руки, подобрал сопли и теперь отдавал распоряжения. Начальнику охраны он приказал «аккуратно» разузнать последствия аварии на реке близ Аткарска, а также напомнил, что завтра в девять утра смена должна быть в ювелирном магазине. Потом отдал еще кое-какие инструкции, довольно мелкие и дежурные, а затем распустил всех с миром. Кроме меня, разумеется.

– Что же мы стоим? – спохватилась Лариса. – Проходите.

– Да! – тут же вспомнил о своих обязанностях хозяина Бобров. – Лара, покажи Евгении Максимовне ее комнату и предложи чаю или кофе.

– Ой, а я уже отпустила домработницу... – произнесла Лариса. – Но я сейчас по-быстрому что-нибудь организую.

– Спасибо, – отказалась я. – Ничего не нужно. Я бы только приняла душ.

– Конечно, комната и душ для гостей на втором этаже, – оповестила меня Лариса. – Поднимайтесь за мной.

Я закинула на плечо свою сумку с вещами и последовала за Бобровой по витой полукруглой лестнице на второй этаж. Она провела меня к дверям душа, показала комнату и ушла. Я с легким сердцем осталась одна.

В душе все было наготове: свежие полотенца, гели, шампуни, мыло, губки и мочалки. Я с удовольствием врубила воду на полную мощность и выдавила в ванну ароматную пену. Понежившись в ней несколько минут, сполоснулась и пошла осматривать владения. Забывать о том, что я здесь по работе, было нельзя.

Одетая в белую футболку и шорты – в особняке было очень тепло, – с влажными волосами, я спустилась вниз. Бобров и Лариса сидели в гостиной на широком диване, на овальном столике перед ними стояла бутылка вина и два бокала. На тумбочке напротив стоял небольшой телевизор старой модели.

– Присоединяйтесь к нам, Евгения Максимовна, – сказал Бобров. – Правда, экран маловат – не успел купить в гостиную новый телик взамен разбитого. – Все никак время не выберу.

– Ничего страшного, – тут же сказала Лариса. – В конце концов, его мало кто смотрит. Мне некогда, а Катя постоянно торчит в Интернете. Эта игрушка поинтереснее. Это раньше телевизор заменял все, сейчас это устаревшее развлечение.

– Кстати, где она? – оживился Бобров.

– Как всегда, – пожала плечами Лариса. – Торчит в своем «Контакте», строчит, переписывается, кажется, с половиной земного шара.

– Позови ее, пожалуйста, – попросил супруг. – Я соскучился. Кстати, и Евгении Максимовне стоит с ней познакомиться. Катюша – это моя дочь, – объяснил он мне. – Только я прошу вас, называйте ее Камилла.

– Почему? – немного удивилась я.

– Ну, ей так больше нравится, – улыбался Всеволод Евгеньевич. – К тому же это ее сценический псевдоним. Она учится в музучилище на отделении вокала. Неплохо поет, мечтает о мировой сцене – ну, как многие девочки в ее возрасте.

– А сколько ей? – перебила я.

– Восемнадцать, – почему-то со вздохом произнесла Лариса.

– И как, есть шансы для мировой славы? – полюбопытствовала я.

– Ну, пока все ограничивается местными концертами, – сказал Бобров. – Но мы работаем в этом направлении.

– Пойдемте, – поднялась с дивана Лариса и легкой походкой направилась к выходу.

Возле одной из дверей она остановилась и постучала. Никто не отозвался.

– Опять в наушниках сидит, – прокомментировала Лариса, качая головой, и решительно толкнула дверь.

На диване, поставив на колени ноутбук, полулежала совсем юная девушка в белой футболке и темно-синих джинсах в мелкую полоску, с такими же, как у матери, длинными, светлыми волосами. Только они у нее были распущены по спине. И та же прямая, короткая челка на лоб, как у Ларисы. Вообще, они были удивительно похожи, причем у меня создалось впечатление, что Лариса намеренно усиливает это сходство стилем одежды и прической – чтобы соответствовать возрасту дочери. Наверняка она бывала счастлива, если их с Катей принимали за сестер. Надо отдать ей должное, выглядела Лариса Боброва и впрямь очень молодо, но все же... Когда тебе под сорок, невозможно выглядеть на восемнадцать. Девушка была увлечена процессом и совершенно нас не замечала: она в упоении перебирала пальчиками по клавишам и щелкала мышью. Переписка с «половиной земного шара» шла полным ходом.

– Камилла! – повысила голос мать.

Девушка подняла голову. Она тут же перевела взгляд на меня и, кажется, осталась не очень довольна.

– Камилла, пойдем к нам, отец просит, – проговорила Лариса.

Камилла помотала головой и поднесла руки к ушам, показывая, что она ничего не слышит.

– Да убери ты эти затычки! – раздраженно проговорила мать, подходя к ней и выдергивая из ушей дочери наушники.

– Мама! – недовольно произнесла та. – Что такое?

– Отец зовет! – повторила Лариса.

– Я сейчас не могу, у меня важная переписка, – отмахнулась Камилла.

– Отец хочет тебя видеть! Он расстроится! У него был тяжелый день! – перечисляла Лариса все возможные аргументы.

– Ну, я приду обязательно, только позже, ладно? – смягчила тон девушка. – Скажи, что я тоже соскучилась.

– Вот, познакомься, это Евгения Максимовна, помощница отца. Она поживет у нас, – отрекомендовала меня Лариса.

– Очень приятно, – кивнула девушка, не отрывая глаз от экрана ноутбука.

– И чего ты находишь интересного в этой аське? – поморщилась Лариса.

– Не в аське, а в «Контакте»! – поправила Камилла.

– Да одно и то же! – махнула рукой мать. – Вообще, я считаю, что это пустая трата времени. – Она повернулась ко мне, апеллируя как к союзнику. – Все эти глупые записки! Ну кто станет дружить или знакомиться через Интернет? Какие-нибудь убогие люди!

– Я там познакомилась с Вадиком! – с негодованием отвергла версию матери Камилла.

Она даже поднялась на постели и уставилась на нас, пылая праведным гневом.

Мать, видимо, не нашла что возразить, потому что только повторила:

– Как освободишься, подойди к отцу. Нехорошо так. – И вышла из комнаты вместе со мной.

– Современная молодежь! – с улыбкой пожала я плечами на выразительный взгляд Ларисы.

– Ладно, пойдемте, – со вздохом махнула та рукой.

Сидеть вместе с Бобровыми мне не очень-то хотелось. Всеволод Евгеньевич хоть и не был уже в полном раздрае, все же находился под впечатлением от сегодняшнего инцидента и периодически вновь принимался его вспоминать и делиться с супругой своими переживаниями, та принималась его успокаивать. Чуть позже к родителям присоединилась Камилла.

Слава богу, у Боброва хватило ума не рассказывать ей о происшествии, вместо этого он принялся расспрашивать дочь, как прошел ее день и что интересного произошло.

Я явно чувствовала себя лишней. Извинившись, решила пройтись по дому. Убедилась, что все шторы плотно задернуты, проверила комнаты на наличие скрытых камер и прочих чужеродных предметов. Все было чисто.

Бобров не стал долго засиживаться, тем более что жена нацедила ему с полстакана успокоительного, и лекарство, помноженное не алкоголь и стресс, привело к тому, что Всеволод Евгеньевич вскоре стал тереть глаза и длинно зевать. Камилла к этому времени уже упорхнула к себе.

– Давайте спать, – предложил Бобров, поднимаясь. – Завтра с утра на работу.

– Всеволод Евгеньевич, – на всякий случай предупредила я, – может быть, после случившегося имеет смысл отсидеться дома?

– Ни в коем случае! – ответил Бобров. – Во-первых, у меня масса дел! Во-вторых, я не хочу, чтобы эти ублюдки думали, что я испугался!

– Ложная бравада совершенно неуместна, – заметила я, но Бобров был категоричен: – Нет, нет и нет! Мне обязательно нужно быть в магазине! Я должен лично проверить отчетность и документы для налоговой!

– Ну что ж, как вам угодно, – ответила я и откланялась. – Окна и шторы на ночь не открывайте.

Затем я отправилась в предназначенную мне комнату. Отделанная довольно стандартно, она тем не менее была очень удобна. Все вещи, включая мебель и разную мелочь, были функциональны. Особенно рада я была телевизору со встроенным ди-ви-ди и тумбочке с дисками. Хороша была и кровать – полутораспальная, но просторная. Порывшись в стопке и почитав аннотации к фильмам, я выбрала диск и, вставив его в проигрыватель, растянулась на постели. Потом отзвонилась домой и поставила в известность тетю Милу о том, что у меня работа на неопределенный срок и что дома меня пока не будет. Заснула я в привычное для себя время и всю ночь проспала совершенно спокойно.

Наутро я проснулась первой и после душа спустилась вниз в поисках съестного. Внизу было пусто: Бобровы еще спали в своей комнате. Я не стала лазить по холодильнику, но заглянула в буфет в надежде найти кофе. Не успела я достать чашку, как услышала едва уловимый шум и поняла, что это поднимаются металлические ворота...

Прижавшись к стене, я чуть отогнула уголок шторы и выглянула наружу. По дорожке неторопливой походкой шла женщина в возрасте, неся в руках две хозяйственные сумки. Я поняла, что это домработница, просто не думала, что она приходит так рано. Успокоившись, я продолжала наблюдать. На крыльце женщина поставила сумки на пол и полезла в карман. Достала ключ и открыла дверь.

Я нарочно слегка громыхнула чашкой, чтобы не испугать женщину своим присутствием. Она прошла в кухню и посмотрела на меня внимательно.

– Доброе утро, – улыбнулась я.

– Доброе, – низковатым голосом отозвалась она. – Вы Евгения?

– Да, Евгения, – подтвердила я.

– Всеволод Евгеньевич предупреждал о вас, – кивнула она, доставая из сумок продукты и выкладывая их на стол. – Завтрак у нас в половине восьмого, так что придется подождать.

– Я просто хотела выпить кофе, – призналась я.

– Это можно, – согласилась она, нажимая кнопку на электрочайнике. – А меня зовут Тамара Михайловна.

Я кивнула и спросила:

– Скажите, а у кого еще, кроме вас, есть ключи от дома?

Она застыла от неожиданности вопроса, но не стала ничего комментировать, спокойно ответив:

– Ни у кого. Только у самих хозяев, разумеется.

Через пару минут она молча протянула мне чашку кофе и больше ничего, а сама повернулась к столу и занялась приготовлением завтрака. В сущности, мне здесь нечего было делать, и я вернулась в свою комнату. В половине восьмого стало более шумно: проснулся Бобров, кто-то включил магнитофон, кто-то прошел в ванную, и я подумала, что пора и позавтракать.

Завтракали в гостиной, причем только мы трое: Бобров, его супруга и я. Камилла по-прежнему спала в своей комнате. То ли ей не надо было сегодня на занятия, то ли были каникулы, то ли она просто прогуливала – не знаю. Тамара Михайловна подала сырники со сметаной, и я подумала, что она практически не уступает в кулинарном мастерстве моей тете Миле. Но, разумеется, об этом ни в коем случае не стоит говорить самой тете.

Покончив с едой, Бобров посмотрел на часы, потом перевел взгляд на меня и сказал:

– У вас десять минут на сборы.

– Да я уже готова, – поднялась я. – Только куртку накинуть и обуться.

– Отлично, тогда едем.

Бобров чмокнул жену в щеку и пошел в прихожую. Там он долго, энергично ширкал губкой по лакированным черным ботинкам, пшикался каким-то парфюмом, оглядывал себя в зеркало. Потом, понизив голос, склонился ко мне и спросил:

– А этот... жилет-то мне опять надевать?

– На всякий случай наденьте, – посоветовала я.

– Да я, собственно, уже... того, – как-то смущенно признался он мне.

– Тогда едем, – просто сказала я, и мы вышли из дома.

По дороге я спросила, давно ли работает у него Тамара Михайловна, и узнала, что почти двадцать лет.

– Она дальняя родственница матери Ларисы, – сообщил он. – Приехала из деревни, вышла замуж, потом муж умер, и ей нужно было зарабатывать самой. А образования у нее никакого, да и опыта тоже. Ну, мать Лары и попросила ее взять. А что? Работает она хорошо, исправно. Привыкла за столько лет. А вам не понравилась еда?

– Нет-нет, все нормально, – успокоила я его. – А других приходящих работников у вас нет?

– Нет, – тут же ответил Бобров. – Машину вожу я сам, садовника не держу.

Через полчаса Всеволод Евгеньевич остановил машину у магазина «Золотые нити», и мы прошли внутрь. Длинный торговый зал, поделенный на отделы в соответствии с ассортиментом. Витрины сверкали, переливались драгоценными металлами и камнями, а девушки-продавцы, стоявшие за ними, держались томно, словно все эти побрякушки принадлежали лично им. В магазине Боброва было пять отделов и столько же продавцов. В углу находилась касса, за ней сидела девушка постарше. Еще у входа сидел молодой охранник из фирмы «Барс» – один из тех, что сопровождали нас вчера в Аткарск. При виде нас с Бобровым он поднялся со своего стула и поприветствовал.

Бобров пригласил меня в свой кабинет и указал на место возле письменного стола, оснащенного компьютером:

– Вот здесь можете располагаться. Обедать я обычно хожу в кафе неподалеку, примерно в час дня. Кофе и чай можете пить сколько угодно, вон чайник. – И он кивнул на белый электрочайник, стоявший на холодильнике в углу кабинета.

Сам же Бобров тут же подошел к нему и нажал на кнопку. Открыв холодильник, достал пластиковую коробку с миниатюрными пирожными и поставил на стол. Я не стала напоминать, что мы, собственно, только что позавтракали и что если Бобров будет продолжать в том же

духе, ему станет сложно надевать бронежилет. Сама же я согласилась на чашку крепкого кофе без сахара.

Вскоре в кабинет Боброва прошла женщина средних лет – бухгалтер, как я поняла. Она разложила на столе документы, и они с Бобровым принялись их вместе просматривать. Мне пришлось потесниться. Немного посидев в уголке, я оставила Боброва с женщиной наедине, а сама вышла в зал.

Там слышалось общее девичье хихиканье. Я огляделась. У одной из витрин с кольцами и перстнями стоял не очень высокий, но стройный брюнет с вьющимися волосами. Он был очень привлекателен – синеглазый, с мягким овалом лица, чувственными губами и обаятельной улыбкой, похожий на милую девочку. Я не люблю такой тип мужчин, он кажется мне слишком смазливым и женственным. Однако многие, особенно молодые девушки, приходят от подобных мужчин в тихий восторг. Парень негромко рассказывал что-то склонившейся к нему продавщице, а та, краснея от удовольствия, бросала реплики подругам. Наконец брюнет улыбнулся и закончил свой рассказ. Он перевел взгляд на стекло, под которым переливались драгоценными металлами и камнями мужские украшения. Просмотрев их, он попросил девушку показать ему одно из них. Она тут же достала красивое кольцо с изящной вязью и протянула.

Брюнет покрутил его в руках, отодвинул, чтобы оценить, и, прищурившись, рассматривал несколько секунд. Потом небрежно отсчитал несколько купюр и протянул девушке.

– В кассу, Володя, – ласково пропела та, выписывая чек. – Ты как будто первый раз у нас.

Володя снова обаятельно улыбнулся и, подхватив купюры, легкой, пружинящей походкой направился к кассе. Заплатив, вернулся к прилавку и взял маленькую коробочку из черного бархата, в которую продавец Наташа уже упаковала кольцо.

– Или здесь наденешь? – подмигнув ему, спросила она.

Владимир не стал ее разочаровывать, он щелкнул застежкой на коробочке и нацепил кольцо на палец.

– Вова, ты неотразим! – бросила ему девушка, стоявшая напротив.

– Ты и без кольца неотразим, – притворно вздохнула еще одна продавщица.

«Похоже, местный любимец публики, – подумала я. – Судя по отсутствию обручального кольца, не женат. Вот девочки и млеют...»

Впрочем, даже наличие кольца, думаю, многих бы не остановило, а даже наоборот, лишь подстегнуло. Что поделаешь, девушки сейчас не просто доступны, а активно доступны...

Особенно выделялась своим пристальным вниманием к красавчику продавщица по имени Вика – высокая яркая брюнетка с алой помадой на пухлых губах. Володя же умудрялся любезничать со всеми настолько грамотно, что ни одна девушка не оставалась обделенной его вниманием и не чувствовала себя обиженной.

Я подошла поближе и прислушалась к их болтовне. Володя моментально повернулся, стрельнул в меня глазами, оценивающе скользнул по фигуре и произнес мягким тенором:

– Вижу, магазин процветает – пополняется новыми украшениями.

Парень, видимо, не был здесь новичком, если знал весь персонал. «Возможно, кто-то из сотрудников Боброва или деловых партнеров», – подумала я.

– Цветем, цветом, – ответила я с полуулыбкой.

– Несмотря на осень за окном и сопутствующую ей хандру, вы выглядите потрясающе свежо! «Золотые нити», видимо, обладают какой-то чарующей аурой: здесь все девушки превращаются в цветы. Знаете, есть такая технология в косметических процедурах, золотые нити называется? Под кожу имплантируются такие тонкие золотые паутинки, и она омолаживается и расцветает. Всеволод Евгеньевич нашел удачное название: оно явилось отличной метафорой. Согласны?

И он приобнял меня за талию, поворачивая к себе лицом.

– Я от природы так хороша, мальчик. Только не про твою честь расцвела, – шепнула я ему на ухо, освобождаясь и незаметно давая внушительный тычок под ребра.

Парень опешил, но посмотрел на меня без агрессии, лишь удивленно. Видимо, он совершенно не привык к тому, что его, такого неотразимого, отшивают девушки. Это был нонсенс, но Владимир быстренько решил не ронять имидж и продолжал сохранять хорошую мину. Повернувшись к продавщицам, ревниво наблюдавшим за этой сценой, он проговорил:

– Мужчины заблуждаются, считая всех женщин одинаковыми. Вы все такие разные, тем и прекрасные!

– Володя, ты стихи не пишешь? – игриво спросила его Вика.

– Бывает, – кивнул тот.

– А почему ты раньше не говорил? – воскликнула та.

– Ой, Володя, прочитай, а? – восторженно попросила Наташа.

– Я скромненький, как все великие, – склонил голову набок Володя. Затем, бросив взгляд на часы с золотым браслетом, озабоченно произнес: – К тому же мне безнадежно пора. Увы, дела, дела и дела. Мечтаю о пенсии.

– Ну, тебе до пенсии еще далеко, – заметила Вика. – Лет тридцать как минимум.

– Володя, завтра придешь? – кокетливо поигрывая выющим белокурым локоном, спросила Наташа.

– Не знаю, моя прелесть! – притворно вздохнул Владимир. – Может быть, может быть. Мысленно я всегда с вами, девочки!

И он, послав всем сразу воздушный поцелуй, двинулся к дверям. Продавщицы проводили его умильными взглядами.

– Симпатичный парень, – наконец со вздохом прокомментировала одна из девушек.

– Ты-то что вздыхаешь? Ты вообще-то замужем! – сейчас же уличила ее Виктория.

– Потому и вздыхаю, – с улыбкой пояснила та.

В это время из кабинета вышла бухгалтер, и одновременно высунулся Бобров и попросил меня зайти.

– Сегодня вечером у меня встреча, – с порога сообщил он. – Вы поедете со мной. Она не должна продлиться долго – около часа максимум. Потом едем домой. Вот все планы на сегодня.

Я пожала плечами. Все так все. Вернувшись в зал, подошла к охраннику и спросила:

– Что это за фразер, вскруживший голову всем девушкам, крутится у вас в магазине?

– А, Володя Голубев, – равнодушно кивнул тот. – Постоянный клиент. Частенько покупает всякие цацки.

– Себе?

– Себе, себе. Обожают побрякушки, прямо хуже бабы. А что? Он появился уже давно, приходил часто, и мы, естественно, обратили на него внимание, как и на всякого, кто часто крутится в ювелирном магазине. Но проверили, все чисто – он же покупает! И порой дорогие вещи. Ничего криминального. А что флиртует с девушками, так этого не запретишь. Лишь бы все в рамках приличий. Мальчик смазливый, привык к вниманию. Думаю, бабы на него сами вешаются. А с нашими он так, понтуетесь просто. Лишь бы в магазине себе ничего не позволяли, а дальше – не мое дело.

– Хорошо, – кивнула я, отходя.

В зал вошла высокая, статная дама лет сорока пяти, державшаяся очень прямо и надменно. Пышные волосы, крашенные в темно-каштановый цвет, спускались на плечи и завивались на концах. Поверх костюма было накинуто длинное легкое манто, хотя для подобной одежды еще был неподходящий сезон: все-таки в мехах в начале октября жарковато. Поначалу я приняла ее за постоянную покупательницу, поскольку двигалась дама уверенно, да и девочки-продавщицы при ее виде как-то подобрались и притихли. Однако никто из них не кинулся к ней с предложением помочь.

Дама же, высоко задрав голову, гордо прошествовала через зал и стремительно прошла прямо к дверям кабинета Боброва, с силой толкнув их без стука. Войдя в кабинет, она тут же закрыла за собой дверь, но я уже была рядом и услышала ее небрежное «привет», брошенное Всеволоду Евгеньевичу, и его ответное приветствие сквозь зубы. Судя по тону, Бобров был совершенно не рад госте.

Я быстренько просочилась в кабинет, тихонько прошла в уголок, присев там и прикинувшись ветошью. Бобров, разумеется, заметил мое присутствие, но никак на него не отреагировал. Я скромно сидела, не собираясь убираться без приказа.

– Всеволод, ты знаешь, зачем я к тебе пришла? – полувопросительно-полуутвердительно произнесла дама с неким вызовом.

– Догадываюсь, – усмехнулся Бобров.

– И что? – повысила голос дама.

– По-моему, этот вопрос мы обсудили на прошлой неделе, – стараясь говорить вежливо, но при этом с трудом сдерживая раздражение, ответил Всеволод Евгеньевич.

– Но я еще тогда сказала, что подобный вариант меня не устраивает! – воскликнула дама. – Я дала тебе время подумать, а ты?

– Над чем тут еще думать? – процедил Бобров.

– Мальчику нужны деньги! – с расстановкой заявила дама.

– Какому именно? – язвительно усмехнулся директор магазина. – Насколько я понимаю, у тебя теперь приют для мальчиков? И ты надеешься на благотворительность? Хочу заметить, что мой фонд рассчитан все-таки на детей более младшего возраста!

– Не мели ерунды! – рассердилась дама, и сквозь толстый слой тонального крема проступили красные пятна. Она затеребила черную кожаную сумочку в руках.

Женщина восседала напротив Боброва в кресле, в котором не так давно сидела я. Причем, как я поняла, заняла она его без приглашения.

– У Миши сейчас тяжелый период, – продолжала она. – И тебе прекрасно об этом известно!

– О да, – кивнул Бобров. – Только, если мне не изменяет память, этот период длится у него уже много лет.

– Ты не можешь оставить его в таком состоянии, это безжалостно! – с пафосом произнесла дама.

– Слушай, Геля, прекрати эти взывания к моей совести! – В голосе Боброва тоже прибавилось децибелов. – По-моему, я сделал для него уже гораздо больше, чем требовалось! К тому же не забывай, что он уже давно совершеннолетний! И пора уже самому решать свои проблемы и не наживать новые!

– При чем тут совершеннолетний? – всплеснула руками Геля. – Ребенок всегда остается ребенком!

– В твоих руках, боюсь, что да, – не скрывая неприязни, с какой-то горечью проговорил Бобров.

– Это ты на что намекаешь? – взвилась дама. – Да я вложила в него все лучшее! Отдавала ему все! Я осталась одна-одинешенька, и все по твоей милости! Почему-то в Катеньку ты вбухиваешь кучу средств, хотя она тоже уже совершеннолетняя!

И она победно уставилась на Боброва. Всеволод Евгеньевич на пару секунд замолчал, подыскивая нужные аргументы, потом сказал:

– Не нужно упрекать меня в несправедливом распределении средств! Уж кому как не тебе знать, сколько я вложил в Мишеньку! Только все не в коня корм!

– Так, короче, ты дашь деньги или нет? – Геля начала злиться и перешла к конкретным требованиям.

– Я уже сказал – нет! – отрезал Бобров. – Нет, нет и нет! И хватит терзать меня своими однообразными просьбами! Мне уже надоело, что меня воспринимают как дойную корову!

– Это подлю с твоей стороны! Ты... Ты просто свинья! – визгливо вскричала дама, моментально растеряв весь свой лоск, которым блистала при входе в магазин.

– Так, ну все! – закричал и Бобров. – Хватит! Сейчас я скажу охране, и она выкинет тебя отсюда!

Он склонился было на меня, но вовремя опомнился и метнулся к дверям кабинета. Но не тут-то было! Геля моментально перегородила ему дорогу, возвышаясь над Всеволодом Евгеньевичем на целую голову монументальной статуей.

– Я распоряжусь, чтобы тебя вообще перестали сюда пускать! – перешел на визг и Бобров. – Уходи лучше по-хорошему, все равно ничего не получите! Мне надоело содержать неблагодарных дармоедов!

– Это ты неблагодарный! – вторила ему Геля. – За все годы ты ни разу не сказал мне спасибо за Мишу!

– Да потому что не за что говорить! – закричал Бобров. – Ты что, сама, что ли, ничего не видишь? Или ты совсем дура?!

Дама вдруг неожиданно отступила назад и всхлипнула. Потом торопливо достала из кармана надушенный платочек и приложила к глазам, стараясь не размазать тушь. Бобров забегал по кабинету, но изливать гнев прекратил.

– Ну как, как тебе еще объяснить, что это ни в какие ворота? – остановившись и воздев руки к потолку, произнес он уже более мягким тоном. – Вы же совершенно не бедствуете!

– Ты просто скупердяй! – выговорила дама, убирая платок.

Она уже пришла в себя и вернула себе былую уверенность. Я слегка беспокоилась, что она вновь перейдет в наступление, причем оба сорвутся и не будут выбирать средств, и тогда мне придется волей-неволей вмешаться.

– Я не ожидала от тебя такого! – продолжала Геля, наступая на Боброва. – Не думай, что я это так оставлю! Ты еще пожалеешь о сегодняшнем разговоре, он дорого тебе обойдется!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.